

4070

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

*Путешествие по Юганскому
заповеднику*

Е. Т. Стрельников

О. Т. Стрельникова

Ботелесы

БОЖЕЛЕСЬЕ

Тебя приветствую я снова,
Маститый старец - темный лес,
Стоящий мрачно и сурово
Под синим куполом небес.
Твои стволы, как исполины,
Поправ пятой постелю мхов,
Стоят, послав свои вершины
На поиск бурных облаков.
Деревья сблизились, как братья,
И простирают все сильней
Друг к другу мощные объятия
Своих раскинутых ветвей.
И в час, как солнце близ заката,
И меркнет день, душа моя
Здесь дивным таинством объята
И новым чувством бытия, -
И с миром бранным, миром пыльным
Как бы навек разделена,
В союзе с миром замогильным
Здесь богу молится она.
И лес является мне храмом,
Шум листьев - гимном торжества,
Смолистый запах - фимиамом,
А сумрак - тайной божества.

В. Г. Бенедиктов. (1857г.)

БОЖЕЛЕСЬЕ

Путешествие по Юганскому заповеднику

г. Сургут

Северо-Сибирское региональное
книжное издательство

1998

Издание осуществлено благодаря материальной поддержке экологического фонда администрации Ханты-Мансийского автономного округа и администрации Ханты-Мансийского автономного округа

Стрельников Е.Г., Стрельникова О.Г.

С 84 БОЖЕЛЕСЬЕ. Путешествие по Юганскому заповеднику. - Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1998. 32 с. 35 илл.

Удивительный мир северной природы раскрывают авторы посредством публицистического повествования и красочных фотографий в фотоальбоме «Божелесье».

Книга адресована краеведам, туристам, школьникам и преподавателям, ученым и всем, кто любит природу.

С 0503020900-51 2 — 95
Г 55(03)-98

ISBN 5-8260-0254-9

© Стрельников Е.Г., текст, фотослайды, 1998 г.
© Стрельникова О.Г., текст, 1998 г.
© Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1998 г.

ЗАПОВЕДОВАТЬ — повелевать, предписывать, приказывать, наказывать к непременному всегдашнему исполнению; завещать какую обязанность, обязывать к чему закланием; запрещать.

ЗАПОВЕДОВАТЬ ЛЕС — запретить в нем рубку; это делается торжественно: священник образами, или даже с хоругвями, обходит его при народе и старшинах, поют «Слава в вышних», и запрещают въезд на известное число лет.

ЗАПОВЕДНИК — заповедный лес, пуща, моленный лес, божелесье.

В. ДАЛЬ.

Толковый словарь живого великорусского языка.

Занимает наше Божелесье довольно обширное пространство (623 тысячи гектаров) между двумя Юганами — Большим и Малым, левыми притоками Оби.

Эта местность прилегает к национальному поселку Угут и располагается на территории Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области Российской Федерации.

Зимой вся эта страна безмятежно спит, укутанная белым покрывалом. Реки, ручьи, озера, скованные прочным льдом, надежно упрятаны под снегом; болота представляют собой совершенно безотрадную, на первый взгляд, белую пустыню; и только ЛЕС стоит с величественным достоинством, сгибаясь под тяжестью снежных шапок...

Под пологом леса

Лес стоит с величественным достоинством...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРВОЕ

С легким скрипом и шуршанием снег оседает под лыжами. Из сумрака пойменного леса вы выходите к реке. Синь неба над головой; и там, в этой чистой высокой синеве, ослепительно светит полуденное солнце, удивительно гармонично сочетаясь с белым, уже потолстевшим месяцем — скоро полнолуние. Белая пелена снежного покрова на реке, в одном лишь месте нарушенная цепочкой заячьих следов, слегка слепит глаза. По-настоящему снег заворачивает лишь в ясную лунную ночь. Вот когда открывается он во всей красе, миллионами искорок вспыхивая в лунном сиянии.

Зимний лес обманчиво кажется пустым, но вот послышались голоса — нестройным хором, переговариваясь звонкими нежными трелями, то там, то здесь снуют по пихте пухляки. Маленькая серая, с черной шапочкой, нахохленная пичуга, не обращая на вас внимания, деловито ищет что-то между пихтовых хвоинок.

За валежиной — свежий след; кажется, вот только что здесь стоял лось, чутко прядая большими ушами. Он кормился ветками молодой пихты, сломанной ветром и древесной болезнью. Крона с одной стороны обведена начисто. Снег под деревом толщиной около сорока сантиметров. И практически невозможно достать до обведенных веток. Вот такой он — лесной великан.

Пойма кончается — дальше наш путь лежит на «материк» — так в разговорной речи называются у нас леса, лежащие выше пойменной террасы. Леса тут самые разные. Заболоченные кедррачи в некоторых случаях представляют собой совершенно жуткое зрелище. Они трудно проходимы даже зимой, когда скованные холодом заболоченные почвы и укрытые снегом нагромождения стволов, вывороченных почти всегда с корнем, позволяют значительно сократить путь, а летом превращаются в участки, проходя которые вспоминаешь всех святых. Здесь, в этих хитросплетениях крон и стволов, часто натыкаешься на сдвоенные следики соболя.

Примерно то же, что и кедррачи, представляют собой осинники, с той только разницей, что осина не выворачивается с корнем, а ломается, будто спичка, в нижней трети ствола. Не дай Бог оказаться в этом лесу в сильный ветер — ни за что не угадаешь, какая из ближних к тебе осин сломается, а какая устоит. Гул ветра в кронах заглушается непрерывным треском ломающегося дерева.

Эти леса благодатны летом — в них почти всегда много черники; зимой можно встретить разве что уцелевшие с осени гроздья рябины. Наклонив тонкое деревце, срываете застывшие сладкие ягоды и удивляетесь, как достает их соболя? То, что эти

ягоды составляют львиную долю его рациона в осиннике, видно по оставленным следам жизнедеятельности. Редко в какой кучке экскрементов видно мышиную шерсть, в основном, это сплошные рябиновые косточки.

Самые приятные ландшафты, хотя довольно скучные для зоолога — это сосняки. Сосняки разные — от ягодниковых до заболоченных (рямов). Все они радуют глаз яркой желтизной и стройностью стволов, светлой зеленью раскидистых крон и возможностью проложить лыжню, более или менее похожую на прямую линию.

Вот лыжня пересекает цепочку следов — три пальца вперед и один назад. Глухарь. Если вы захотите увидеть эту большую птицу, которая затаилась где-то между стволов, опустив к земле сложенный хвост и длинно вытянув шею, увенчанную головой с красными бровями и хищно изогнутым клювом, будьте бдительны. Но ... делаете неосторожный шаг, и глухарь, тяжело сорвавшись с места, громко хлопая крыльями, проворно исчезает за деревьями.

Завершив довольно большой круг, вы опять выходите к пойме. Здесь «материк» круто обрывается к реке. На самой вершине яра перед вами открывается великолепная картина. Внизу извилистой белой лентой лежит Негусьях, на той стороне реки, на сколько хватает глаз, — сплошная чернота леса. За лесом угадываются необъятные пространства верховых болот. Там, среди засыпанных снегом моховых кочек, среди пожелтевших чахлах сосен, разрывая слежавшийся снег ради нескольких веточек лишайника, бродят самые уязвимые животные нашей тайги — северные олени.

Увы, сейчас нельзя исключить вероятность того, что таежный северный олень повторит печально известную участь европейского бизона — зубра, дику (условно дику) популяцию которого пришлось восстановить на основе потомства, полученного в немецких и шведских зоопарках.

Впрочем, едва ли в каком-нибудь зоопарке мира имеется северный олень таежного подвида.

Спускаемся вниз, к реке. Мероприятие это довольно рискованное — склон очень крут и сплошь заставлен препятствиями в виде елей и пихт. Поэтому, чтобы не рисковать своими подволоками, вы снимаете лыжи и спокойно, на «пятой точке», спускаетесь вниз, к реке.

Накатились сумерки. Солнце село за лес, и месяц, оставшись полноправным хозяином неба, залил все мягким сияющим светом.

И вот вы уже на пути к дому. А тут вновь следы. Один, довольно крупный, очевидно принадлежащий самцу, упорно держится середины реки; второй, гораздо мельче, выводит затайливые узоры зигзагами, то отходя, то приближаясь к первому. И как будто бы перед вами — фигуры: огромный серый волчище (такого довелось видеть однажды) спокойной рысью бежит по реке и рядом с ним, заигрывая на ходу, небольшая рыжевато-белая самка с коротким пушистым хвостом.

Вот она отбежала в сторону, вот следы вновь сошлись, она делает прыжок, возвращается и вновь нападает. А вот, на повороте, снег сплошь утоптан небольшим кругом — следы их волчьих игр.

Какая тишина кругом...

Черныш

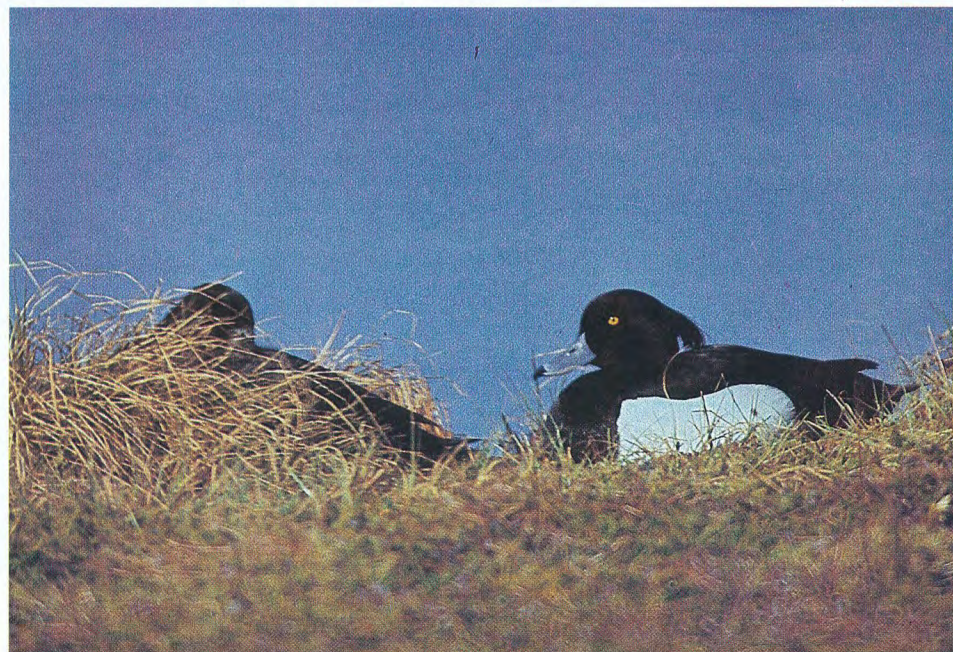
Белая трясогузка

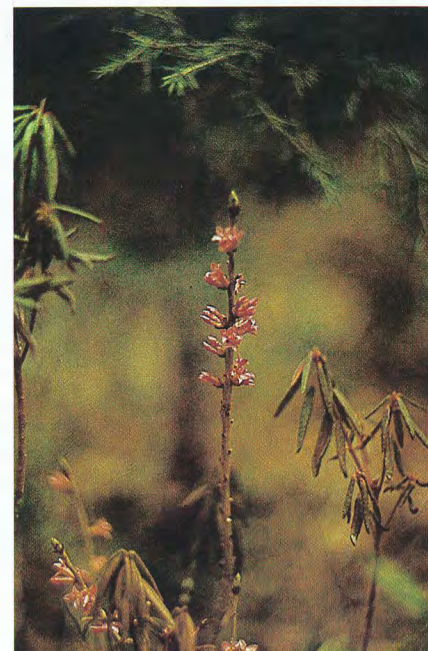
Сибирская лиана, княжек сибирский

Чернеть хохлатая

Волчье лыко

...От чудесной игры распутывания следов вас отвлечет высунувшаяся из-под снега небольшая птичья голова, которая замерла напряженно. На той стороне реки, чуть дальше, еще одна. Птицы буквально впились в вас глазами и ждут. Делаете шаг, и с громким хлопанием крыльев две маленькие курочки скрываются в ближайшем черемушнике. Ничего, ночь светлая — усядутся снова.

Последний поворот — сейчас откроется перед вами чудная картина. На снежном пригорке стоит маленькая охотничья избушка, крытая берестой, без потолка, с кирпичной печуркой. Толстый слой снега на крыше подтаял снизу, а бока избушки сплошь обросли сосульками. Рядом — лабаз на четырех ногах, в отличие от избушки, почти новый. Все это «богатство» досталось в наследство от ханты, что занимались промыслом на этой территории до заповедника.

Внутреннее убранство избушки ничуть не испорчено цивилизацией — двое нар вдоль стен, стол между ними, полка да лавочка у дверей. Единственная примета того, что на дворе все же XX век — три лампочки в патронах, соединенные проводом. Атавизм.

Вот в этом месте, несколько лет кряду, проводит пара научных сотрудников заповедника со своими малолетними детьми шесть весенне-летне-осенних месяцев, иногда, ненадолго, наведываясь и зимой.

Что же, спросите вы, заставляет выносить все бесчисленные неурядицы подобного образа жизни? Когда ужасающе знойным сибирским летом маленькая избушка, лишенная потолка, раскаляется, как жарочный шкаф, понимаешь, что лучше отдать себя на съедение комарам, чем находиться внутри. Когда трижды в день надо развести костер, чтобы приготовить пищу. Когда, встав в пять часов утра, обнаруживаешь в паутиновых сетях около сотни птиц, с которых надо снять не один десяток промеров, все записать, одеть на лапку колечко и отпустить (и все скорее-скорее, птицы долго не просидят в мешках, попросту погибнут); и только к полудню начинаешь понимать, что кроме птиц есть еще и дети. Когда каждый раз, выходя на маршрут знойным летним днем, натягиваешь на себя энцефалитку из воздухопроницаемого брезента и болотные сапоги и во всей этой амуниции топаешь добрый десяток километров по зыбкой болотной почве.

И все это ради чего? Ради денег, славы, любви к природе? Этого не скажем, ибо разучились мы говорить искренне и верить говорящему разучились. Просто не знаем, зачем мы это делаем. Также не знаем, зачем наш маленький сын с необыкновенным пристрастием слушает «Слово о полку Игореве» и просит почитать былины. Не знаем, зачем интересуют нас записи в ясачных книгах и почему в конце двадцатого века нам, безусловно, интересны опыты и наблюдения священника Тверитина, сделанные им в веке девятнадцатом.

Хочется верить, что работа, выполненная с чистой душой и чистыми руками, обязательно будет востребована, пусть даже потомками.

Все эти мысли придут потом, когда уже затоплена печь, вскипячен чай, прослушаны последние известия из Москвы и Тюмени, когда, казалось бы, пришла пора отдыха. Но мысли привычно возвращаются к судьбе заповедника, к своей собственной судьбе.

На память приходят события далеких дней — то, что помнит собственная память и то, что, вроде бы, помнить не должна, что накапливается и хранится в памяти поколений.

Представьте на миг ледниковый период: необозримые просторы льда и снега. Южная граница льдов проходила как раз через территорию современного заповедника. Болот еще не было, и такие животные как мамонты, шерстистые носороги, северные олени, лоси, сайгаки совершали сезонные миграции к самой кромке льда, чтобы за короткие летние месяцы покормиться пышной растительностью и избавить себя от назойливого гнуса. Вслед за отступающим ледником животные продвигались все дальше на север. Сообщества того времени напоминали современные африканские саванны с грозными носорогами, со стадами слонов и антилоп.

Шли годы, тысячелетия, случались различные катаклизмы. Многие остались под спудом времени. Одни животные исчезали, другие появлялись. Отступили льды, сформировались болота. От прежних «саванн» не осталось и следа. Исчезли шерстистые носороги и мамонты, а сайгаки и дикие лошади оказались оттесненными далеко на юг. Часть видов сохранилась. Это реликты. Реликтом — с латинского — остаток. Ледниковыми реликтами являются олений мох (ягель), карликовая береза, живородящая ящерица и обыкновенная гадюка.

Как считают ученые, человек проник в Сибирь в эпоху оледенения, около 25 000 лет назад. Тогда он уже обитал на Ангаре, Енисее, в бассейне Оби. Обилие животных позволяло человеку покрыть свое тело одеждой из шкур, построить жилище из костей уби-

тых мамонтов, рогов северных оленей. Жилища эти были полуподземными. Основой служили специально выкопанные ямы глубиной около метра. Столбами, окружавшими котлован, служили огромные бивни мамонтов. Вместе с бивнями вкапывались бедренные кости. Кроме того использовались мощные черепа носорогов. Крыши жилищ состояли из своеобразного эластичного, но прочного каркаса, перекрытого рогами северных оленей.

Люди еще не занимались земледелием, и их жизнь полностью зависела от охоты и рыбной ловли. Взрослые мужчины-охотники целыми днями рыскали по лесам в поисках добычи, иногда устраивали ловушки. Женщины и дети занимались сбором кореньев, ягод, разоряли гнезда.

Постепенно окрестности становились беднели. Наступали голодные времена, и уже никакие заклинания Матери матерей не заманивали зверя. Тогда племя снималось с обжитого места и переселялось в новое, которое часто нужно было завоевывать. Сталкиваясь с последствиями собственного, как теперь говорят ученые, «плейстоценового перепромысла», люди вводили табу, законы, самоограничения, правила раздела добычи.

Совершенствование оружия расширяло охотничьи возможности человека, а с переходом к земледелию и скотоводству охота стала уже не главным занятием. В эти времена и возникли различные охраняемые территории. Древние персидские цари огораживали охотничьи угодья и на-

зывали их «райскими садами». Более тысячи лет назад викинги устраивали птичьи заказники на острове Святого Кильда, на Фарерских островах и в Исландии с очень строгими правилами о сроках охоты и величине добычи. В большинстве мест они до сих пор процветают. Подобный режим охраны существовал в России на Айновых островах, принадлежавших Трифоно-Печенегскому монастырю, входящих ныне в состав Кандакшского заповедника. Нечто подобное имело и у ханты - священные места «ем-тахе», у манси - «емынг-тагат». Здесь разрешалось охотиться только людям, имеющим на то особое право, чаще всего шаманам.

С середины XVI века началось планомерное наступление русских на Сибирь. Цари стали облагать коренных жителей натуральным налогом - ясаком. Ясачные книги могут повесть о многом: о видовом составе промысловых животных, об их распространении и численности. Цифры эти, конечно же, неабсолютные, но весьма показательные. Например, куница была широко распространена, но в ясачные сборы она попадала редко, так как брали ее вместо соболей «по самой нужде». А бобр? Он был и рыжий, и карий, и черный. Что осталось теперь? Несколько колоний в окрестностях заповедника «Малая Сосьва». А черно-бурая лисица - та, что на гербе Сургута? Цена отдельных ее шкурок доходила до 18 рублей, тогда как соболя - 27-29 копеек. Цена черного бобра составляла 1 рубль 64 коп., рыжего - 1 рубль 5 коп., а карего - 1 рубль 37 коп.

Таежные уголья были богаты рыбой, птицей и зверем. Ясак привозили сдавать в дорогих собольих шубах, на лыжах, подбитых соболями. Кроме коренных сибиряков здесь охо-

тились и жители северного Предуралья. Сургутские ханты в конце XVI века жаловались, что коми «по их вотчинам и угодным местам, и по лесам, и по речкам зверуют, бьют соболя и бобры, и лисицы, и зверь выбили».

В течение всего XVII века соболь распространялся неравномерно. Если в 1631/1632 гг. в Томском уезде было сдано 1840, а в 1649/1650 - 4390 соболей, то в Сургутском уезде ясачные люди не могли полностью сдать ясак, потому что «угожие места, где они прежде всего на соболиные промыслы ходили, - те места все выгорели, и соболей, и всякого зверя в тех местах не было и им ныне государев ясак - соболей и всякого зверя добыть негде».

Сибирская пушнина дорого ценилась за границей. Поэтому Петр Первый объявил шкурки бобров, соболей, черно-бурых лисиц и горностаев «заповедными товарами» и приказал брать их в ясак, а «что сверх того явица, покупать в казну, а в народ не продавать».

В XVIII веке тайга Сибири беднела соболями, которые, в основном, страдали от пожаров. Бобр был легкой добычей. Черно-бурая лисица ценилась выше всех. Промысел наиболее дорогих зверей сильно подрывал их запасы.

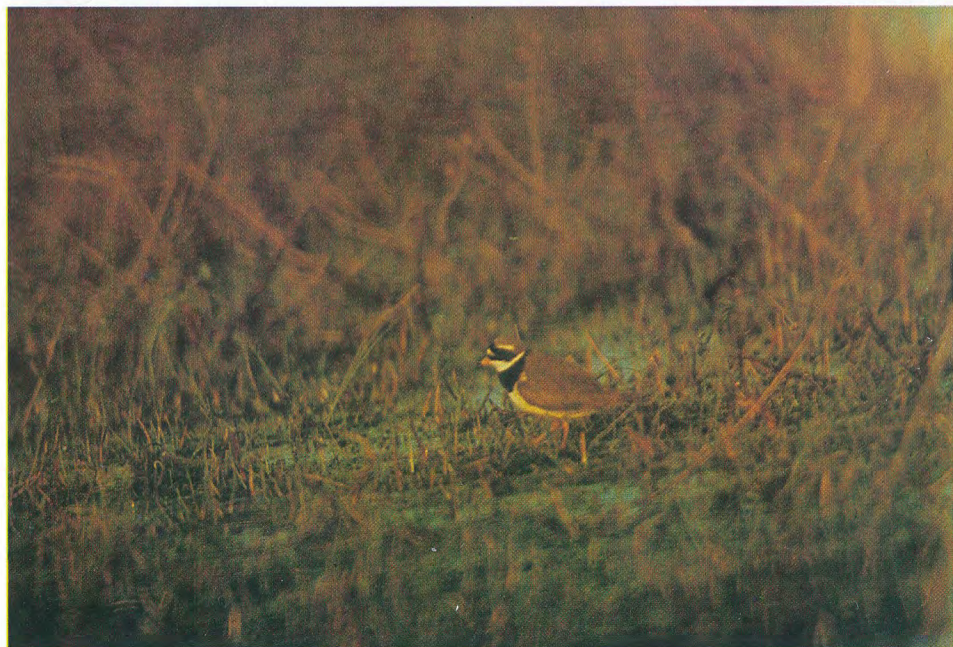
В конце 70-х годов XIX века соболь встречался, главным образом, в верховьях рек, впадающих в Иртыш, в Березовском уезде он стал редок. В пушном промысле все большее место стала приобретать белка, цена ее составляла 10-12 копеек. Лоси и северные олени были обычны. О бобрах во многих местах северной приобской тайги не упоминалось, они остались лишь в бассейне реки Конда и кое-где в Сургутском уезде. В середине XX-го века они исчезли и под Сургутом.

Сколько загадок унесла история?..

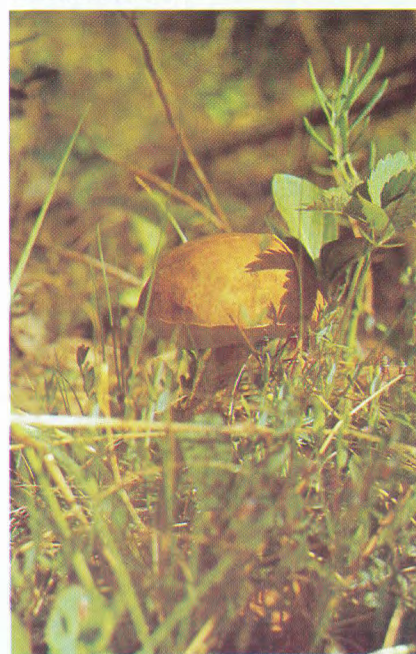
Овсянка - ремез

Галстучник

В осиновом лесу

Морянка

Шелкопряд березовый на волчегороднике

В конце XIX-го - начале XX-го веков научная общественность России выражала беспокойство по поводу оскудения природных ресурсов страны. В то же время, уступая настойчивым просьбам ученых, многие просвещенные землевладельцы создали частные заповедники, таковы - Аскания-Нова Фальц-Фейна, заповедники на землях Шереметьевых, графа Потоцкого и другие. В 1917 г. В.П.Семенов-Тянь-Шанский разработал первый план размещения национальных заповедников, который послужил в дальнейшем основой для создания сети заповедников в бывшем СССР.

С началом нефтяного освоения Среднего Приобья идея создания заповедника в крае получила новое развитие. В 70-е годы начались проектно-изыскательские работы, результатом которых было постановление правительства о создании в бассейне Большого Югана заповедника, подписанное в 1982 году. Два года ушли на становление заповедника, обозначение его границ. Первым директором его стал И.И.Кулешов.

Во главе лесного отдела стояли высококвалифицированные специалисты, за их плечами были лесотехнические институты, лесная академия и опыт работы в лесоустройстве. Редко кого из них можно было заставить в Узуте. Юрий Староверов, лесничий Негусьяхского лесничества, часто уходил в заповедник пешком, на лыжах. Петр Поручник патрулировал свое Малоюганское лесничество на снегоходе. Владимир Родителев, лесничий Тайлаковского лесничества, чаще пользовался вертолетами - его лесничество самое дальнее.

Возглавлял лесной отдел Мирон Терлецкий.

Среди рядовых лесников было много ханты. Все лесники жили в лесу, обустраивали границу, кордоны, вели дневники наблюдений. Дневники эти хранятся в архиве научного отдела. Вот одна из записей: «...два соболя гнались за зайчиком, погоня продолжалась примерно полсутки, бедный зайчишка выбрался из беды благодаря тем, что то в болото, то в кусты набегает обманчивой тропишки, а шустрые соболя блудили все по обманчивым тропишкам. Пройдя край болота, один из них наткнулся на нас и от испуга поскакал наутек, вдоль вершина речки. Победа была за зайцем».

С 1984 года начал формироваться научный отдел. Первым заместителем директора по науке был Феликс Робертович Штильмарк. В это время в штате работали три кандидата биологических наук. Научные сотрудники в большинстве своем были молодыми специалистами, окончившими различные вузы страны. Все были полны энергии и решимости изучать родной заповедник.

Составление первой карты «всей Сибирской земли» было поручено боярским приговором в 1696 году Семену Ульяновичу Ремезову. Так как до этого приговора им уже была проделана определенная работа, то в 1697 году сей чертеж был выполнен. Кроме того перу Ремезова принадлежит «Тобольская летопись», названная позже «Историей Сибирской».

С XVIII века в Сибирь устремились путешественники-этнографы, натуралисты. Собственно, все они, кроме специальных работ, старались собирать всякий доступный материал. Поэтому часто в отчетах по этнографии можно найти сведения по зоологии, а академик Петр Симон Паллас положил начало отечественной систематике животных. Он впервые описал многие виды млекопитающих России, всего — 151. Сам Паллас не посещал Среднее Приобье, но отряд, работавший под его началом и возглавляемый Василием Федоровичем Зуевым, поднимался далеко на север (1768-1774).

В 1842-1845 годах совершил путешествие по Северной, Восточной Сибири и Дальнему Востоку Александр Федорович Миддендорф. Его отчет был для своего времени наиболее полным естественно-историческим описанием Сибири; особенно важными были выводы о распространении вечной мерзлоты и зональном размещении растительности Сибири.

Примерно в это же время (1838-49), по заданию Петербургской Академии наук, бассейны Оби и Енисея посетил финский языковед и этнограф Матиас Александр Кастрен. О Большом Югане он писал, что «река берет начало в Барабинской степи из озера, которое остяки называют Медвежьим». По его словам, «остяки испытывают суеверный ужас перед этим озером, так как они думают, что там живет ужасный Маммут и делает опасным плавание по озеру и не только летом, но и зимой, так как часто образуются полыньи, и лед по необъяснимым причинам неожиданно вспучивается». Поскольку многие выводы основывались на опросных данных, то часто возникали ошибки, как, например, то, что Большой Юган берет начало в Барабинской степи.

Относительно Маммута существовали легенды у всех народов Севера. На многих финских наречиях «Ма» — земля, «мут» — крот. Следовательно, маммут — «земляной крот». Все легенды о маммутах примерно одинаковы.

Многие путешественники Сибири записали рассказы о гигантском подземном жителе. Животное-норкопатель ходит под землей взад и вперед. Зверь не выносит солнечного света и, как только выходит на поверхность, тут же умирает. Мертвых «котов» — великанов чаще находят в речных обрывах, по склонам. В этих местах

животные нечаянно выскакивают из земли и погибают. Рога похожи на бивни слонов, а иногда их называли зубами. Как можно догадаться, все эти легенды порождены находками костей мамонтов.

После Кастрена Большой Юган посетил летом 1891 года ассистент археолого-исторического государственного музея Стокгольма Р.Ф. Мартин.

О Большом Югане того времени он пишет: «Река по обеим сторонам окружена необычайно богатой, большей частью молодой растительностью, которая состоит из кедра, сосны, пихты, березы, черемухи, рябины и ивняка. От прежних кедровых лесов остались только отдельные островки. Они погибли от лесных пожаров, которые выжгли в 50-х годах этого (XIX-го) столетия почти весь массив между Иртышем и Обью. С тех пор сократилась и охота. Один остяк утверждал, что единственное место, где еще можно найти хорошие леса — это окрестности в верховьях Демьянки».

О кровожадности местных комаров Мартин пишет: «...в результате нашей ночной экскурсии на кладбище возле Угутских юрт насчитал свыше 30 укусов на поверхности в 6 кв. см».

В конце XIX-го века, с открытием Томского университета, изучение края стало систематическим, благодаря энергичной деятельности Н.Ф. Кашенко — одного из передовых естествоиспытателей своего времени.

С.М. Чугунов летом 1913 года собрал данные о млекопитающих и птицах Сургутского уезда.

Геоботаник Б.Г. Городков исследовал растительность и животный мир в

бассейнах рек Конда, Салым, Вах, Полуй и других.

Кроме участников академических экспедиций посильные исследования проводили люди, по должности и сану далекие от науки. Одним из таких был Иоанн Тверитин, священник Богоявленской церкви села Юганского. Читаешь его отчеты Казанскому экономическому обществу и поражаешься языку, образованности и скрупулезности, с какой он выполнял работы.

Из его отчетов можно понять и состояние местной природы. В кратких сведениях об огородничестве, скотоводстве и сельских промыслах в Березовском крае он пишет: «...лет 20 назад (двадцатые годы XIX века) или даже меньше у них (остяков) выгорели леса, где были вековые деревья черного леса, заставлявшие останавливаться ежегодно пробегных разного рода хороших зверей, как-то: соболя, лисицу, белку и пр. Ныне же тут вырос почти непроходимый березняк, который нисколько не привлекателен для упомянутого зверя. Вследствие того здешние остяки встречают большие затруднения и неудобства в добыче этих зверей. В случае же неулова поступают в работы и на зарабатываемые деньги покупают у более счастливых зверей для взноса кабинетских ясаков. А сколько они переносят голода, отдаляясь далеко от своих улусов? Хорошо еще, если бывает довольно полевого оленя и лося...».

Энтузиасты и профессионалы по крупнякам собирали материал, который передавался поколениям.

Сколь благодатен был труд их...

Рябчик

Перевозчик

Мирт болотный

Соцветия бузины красной

Тетерев на току

Дорогой читатель! Ты вместе с нами совершил удивительное путешествие по государственному природному заповеднику «Юганский».

Этот уникальный северный уголок стал своеобразным символом большой и чистой любви человека к самому прекрасному на Земле — Природе.

Более десяти лет назад было принято решение о сохранении в естественном состоянии уникального природного комплекса Западно-Сибирской тайги, где ведущими отраслями хозяйства в последние четыре десятилетия стали нефтегазодобывающая промышленность, энергетика, транспорт, строительство.

Ненецкий поэт Юрий Вэлла (Айваседа) с болью в одном из своих стихотворений спрашивает:

«Где тропа, по которой кочевал мой род?

Где урочище, что зверьем их родило?

Где река, из которой поили детей?

Что с их небом, которому не только молились?»

Эта боль живет сегодня не только в душе поэта. Мы тоже носим ее в своем сердце, можно сказать, с детства. Молодыми специалистами приехали мы в маленький национальный поселок Угут, чтобы посвятить себя любимому занятию. Юганский заповедник и стал для нас той родиной, которую надо сохранить и изучить.

Дело в том, что сохранение в естественном состоянии резервата крупной территории в Западной Сибири с ее разнообразным растительным и животным миром имеет чрезвычайное значение и для сохранения водного баланса в бассейне великой сибирской реки Обь.

Среднее Приобье в пределах Тюменской области занимает обширную территорию площадью около трехсот тысяч квадратных километров. Более третьей его части составляет Сургутский район. Пока еще район располагает огромными лесными массивами. И пока еще население, живущее в поселках и селах, занимается традиционным промыслом — охотой, рыбалкой, сбором дикоросов — и в состоянии прокормить себя.

Сегодня научным профилем Юганского заповедника является изучение естественного течения процессов в природных комплексах средней тайги Западной Сибири. Поэтому и работа научного отдела заповедника началась с инвентаризации флоры и фауны. Затем прошло лесоустройство заповедника в сотрудничестве с Институтом леса и древесины им. В.Н. Сукачева Сибирского отделения Академии Наук России.

Сотрудники упорно ведут научные темы по разным направлениям — по программе «Летопись природы», картографированию основных компонентов природных комплексов, анализу состояния популяции редких видов растений и животных, включенных в «Красную книгу России», биологии и экологии основных видов растений и животных, их роль в биоценозах и другим.

Конечно, научный потенциал заповедника реализован далеко не полностью и причин этому множество — объективных и субъективных. Мы подготовили первый сборник научных трудов, постоянно публикуем статьи в журналах, газетах. И естественно, впереди для нас большое поле для научной деятельности, которая протекает в неимоверно сложных условиях. Но все это можно вынести ради сохранения первозданного таежного уголка в Среднем Приобье.

Научные стационары бывают разные. Наш стационар — это точка в заповеднике, в окрестностях которой с наибольшей полнотой представлены все возможные ландшафты, которые можно найти в бассейне реки Негусьях. По странному капризу судьбы участь эта выпала на старое хантыйское зимовье, которое носило название «Когончины-2 (вторые)», то есть вторые с верховья реки юрты семьи Когончиных. Стационару это название досталось по наследству. Молодые сотрудники заповедника, только с университетской скамьи, мы воспринимали все буквально восторженно. Язык наш был наполнен словами местного диалекта — урий, сайма, юрта и другими. И, особенно не фантазируя, стационар стали называть «Когончины-2». Место это весьма достойное. Две полусгнившие избушки служили временным приютом ученым из Красноярска, Новосибирска, Москвы, Перми, Екатеринбурга, Южно-Сахалинска. Бывали здесь студенты из самых различных вузов страны, юннаты из Сургута, представители телерадиокомпаний «Регион-Тюмень» и многие другие.

В окрестностях стационара существует сеть постоянных учетных маршрутов и пробных площадей. Это комплексный стационар, где планировалось вести широкий спектр наблюдений и исследований по программе

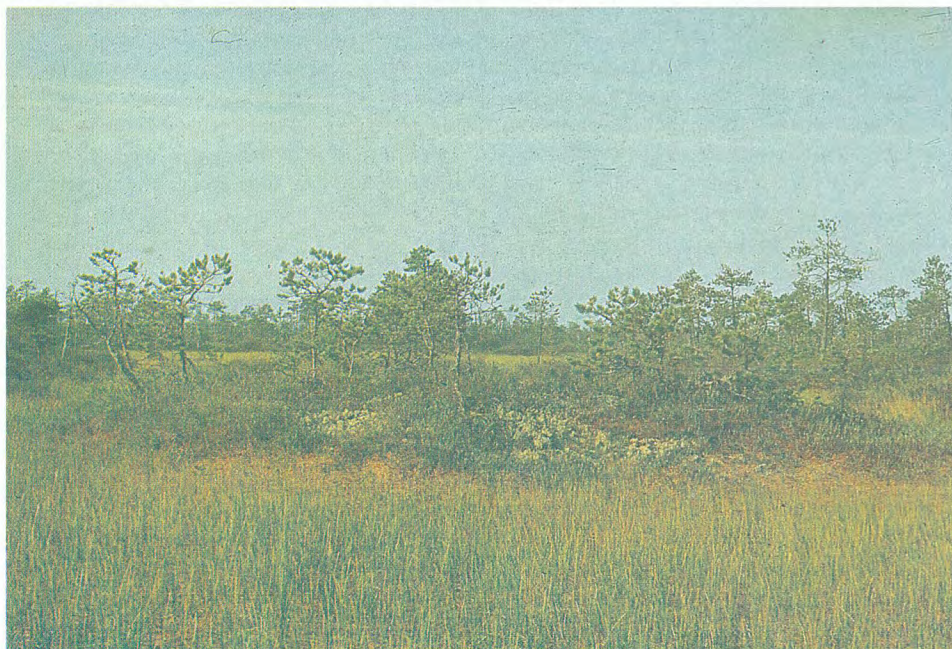
«Летописи природы». Сейчас здесь ведутся работы по учету, кольцеванию и прижизненной обработке птиц. С одной птицы снимается около 60-ти параметров, в период линьки описывается состояние оперения на 28 отделах птерилий. Всего окольцовано и обработано около 10 тысяч птиц.

Начало нового полевого сезона и начало отлова птиц — своеобразный праздник. После долгой зимы и разлуки с любимыми обитателями леса начинаются встречи. Среди отловленных птиц появляются окольцованные ранее — они, как старые знакомые. Некоторые попадались на протяжении нескольких лет. Так, одного соловья-красношейку мы ждали четыре весны, он появлялся с завидной точностью — рано утром 1 июня. Одну из окольцованных нами красношейных поганок через год обнаружили в Курганской области. Таким образом кольцевание позволяет изучать сроки и пути миграций, места зимовок и другое.

Изучение экологии редких видов является еще одним направлением работы научного отдела. В заповеднике из птиц к таковым относятся скопа, беркут, орлан-белохвост, черный аист, сокол-сапсан, сокол-кречет, гусь-пискулька и краснозобая казарка. Чаше других встречается скопа, хотя численность ее невелика. Чуть реже — орлан-белохвост; большинство известных гнезд этого вида рас-

Грядово-мочажный комплекс верхового болота

положены за границей, и только одно — в заповеднике. Яркий белый хвост, благодаря которому орлан получил свое название, имеют только взрослые птицы. Молодые орланы имеют неприметную темно-бурую, почти черную окраску, из-за чего часто, на первом же году жизни, становятся жертвой неопытных охотников-любителей, принимающих хищника за глухаря.

В окрестностях одного из крупных заповедных озер несколько лет встречали одиночных молодых беркутов. Лишь в 1989 году они приступили к строительству гнезда. Как многие из крупных хищных птиц, беркуты приступают к размножению на четвертый год жизни, и только тогда белый цвет на хвосте и крыльях, так хорошо заметный у молодых, исчезает совсем.

Черный аист — птица-легенда. Можно прожить рядом с ним жизнь и никогда его не увидеть. Такая это птица! Настоящий таежник с удивительно маневренным полетом, приспособленным к перемещению в густом девственном лесу. Если когда-либо, проезжая по таежной реке, в лучах восходящего солнца или в вечерних сумерках вы вспугнете черную птицу с белым брюхом, красноватыми клювом и ногами, считайте, что вам необычайно повезло. Вскидывать ей вслед ружье не торопитесь — это черный аист.

О встрече в Сургутском районе белого журавля (стерха) у нас сведений нет. Его иногда регистрируют в пойме Иртыша у Ханты-Мансийска и в заповеднике «Малая Сосьва». Хотя в одном из источников XIX века говорится, что стерхи здесь были обычны. В XIX веке в дельте Волги, на путях

пролета к местам зимовки, отмечали стаи до 300 особей.

И вот через сто лет его почти не осталось. Теперь он гнездится на ограниченной территории Березовского района, и численность его неизвестна. Стерху присвоен особый статус редкости, он внесен в Международную Красную Книгу. Для его спасения существует несколько программ. По одной — его разводят в питомниках, чтобы в дальнейшем подкладывать яйца в гнезда серых журавлей. Существует три питомника: в России — в Окском заповеднике, в США — в Барабу, в ФРГ — в Вальсроде.

Другие краснокнижные виды — сапсан, кречет, пискулька и краснозобая казарка — гнездятся далеко на севере и встречаются в наших широтах только на пролете. В самом тяжелом положении находится пискулька. Этот вид в полевых условиях практически не отличим от белолобого гуся (казарки), поэтому запрет на его отстрел сводится к пустой формальности.

Постоянное пребывание на стационаре позволяет приподнять завесу над многими тайнами из жизни диких обитателей леса. Можно ли еще где-нибудь увидеть токующего перед окнами глухаря, ондатру, спокойно сидящую на мелководье возле кухни, лосиху, возлежащую на берегу реки и с равнодушием голливудской звезды взирающую на людей в лодке?

Зимой в Угутае, пользуясь благами цивилизации, мы с наслаждением читаем полевые дневники. И вновь переживаем моменты ушедшего лета, с особой отчетливостью ощущая полноту своей жизни.

Прекрасен мир природы...

Сибирская завирушка

Самец черной трясогузки

Участок верхового болота

Черемуха

Пеночка-теньковка - самая мелкая из наших птиц

Эпилог

А вокруг холодный снег.
А вокруг ранимый лес.
А вокруг хрупкая жизнь.
А внутри
Теплое стойбище мое —
Сердце самой жизни...
Разве птицы не хотят жить?
Разве звери не хотят жить?
Разве земля жить не хочет?
Разве ты не хочешь жить?
Разве я не хочу жить?
Хочу!
Еще как хочу!
Жить и мечтать,
Жить и творить,
Жить и учиться.
Смеяться от радости,
Плакать от боли.
Любить,
Когда сердце пылает.
Страдать,
Когда горе придавит. Быть честным,
Как ясное солнце.
Высоким,
Как синее небо.
Счастливым,
Как детский смех...
Пусть живет во мне теплый снег.
Пусть живет во мне добрый лес.
Пусть живет во мне доверчивая тундра.
Пусть живет во мне вечная жизнь —
Жизнь, как хорошая песня,
Как чудесная сказка.

Юрий Вэлла (Айваседа).

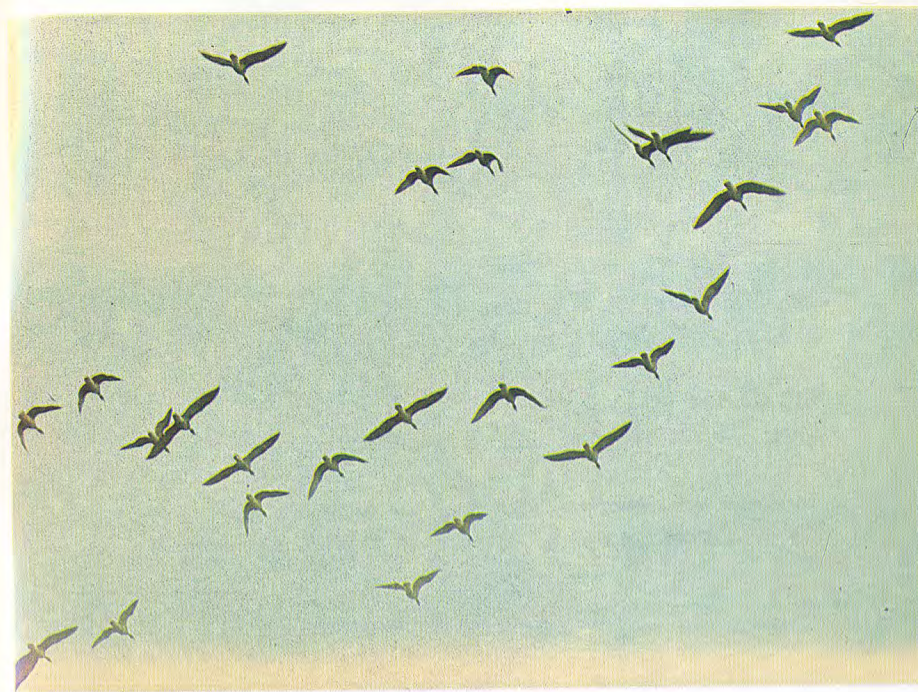
Лес словно терем расписной

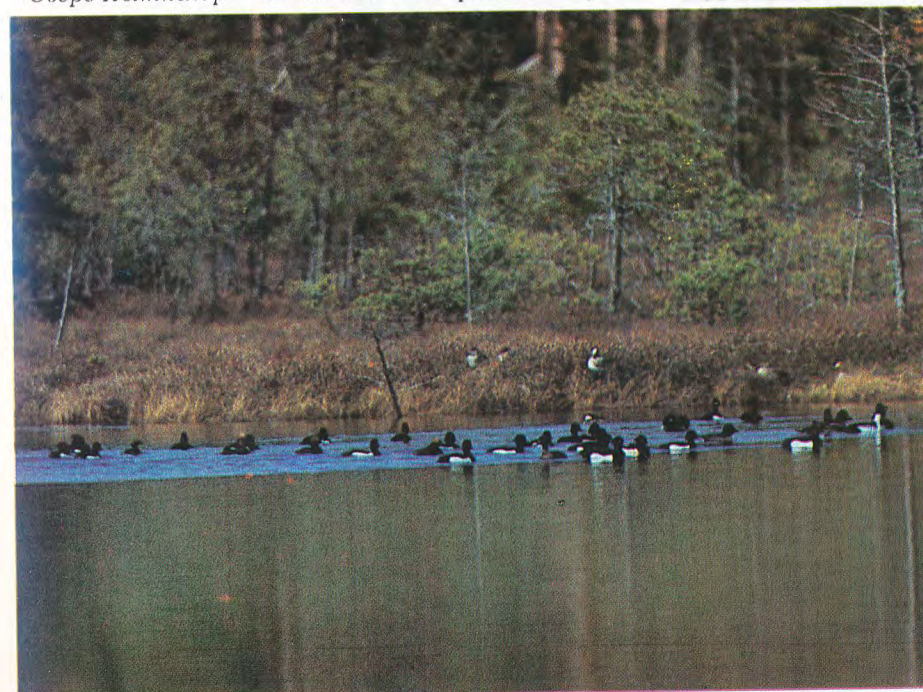
Половодье

Край буреломов

Озеро Кытнелор — место отдыха пролетных уток

Евгений Григорьевич Стрельников
Ольга Геннадьевна Стрельникова

БОЖЕЛЕСЬЕ

Путешествие по Юганскому заповеднику

Редакция публицистики, истории и краеведения
Северо-Сибирского регионального книжного издательства

Редактор-составитель Л.Цареградская

Художник О.Голиков

Фото Е.Стрельников

Художественный редактор В.Довган

Технический редактор Э.Шимчук

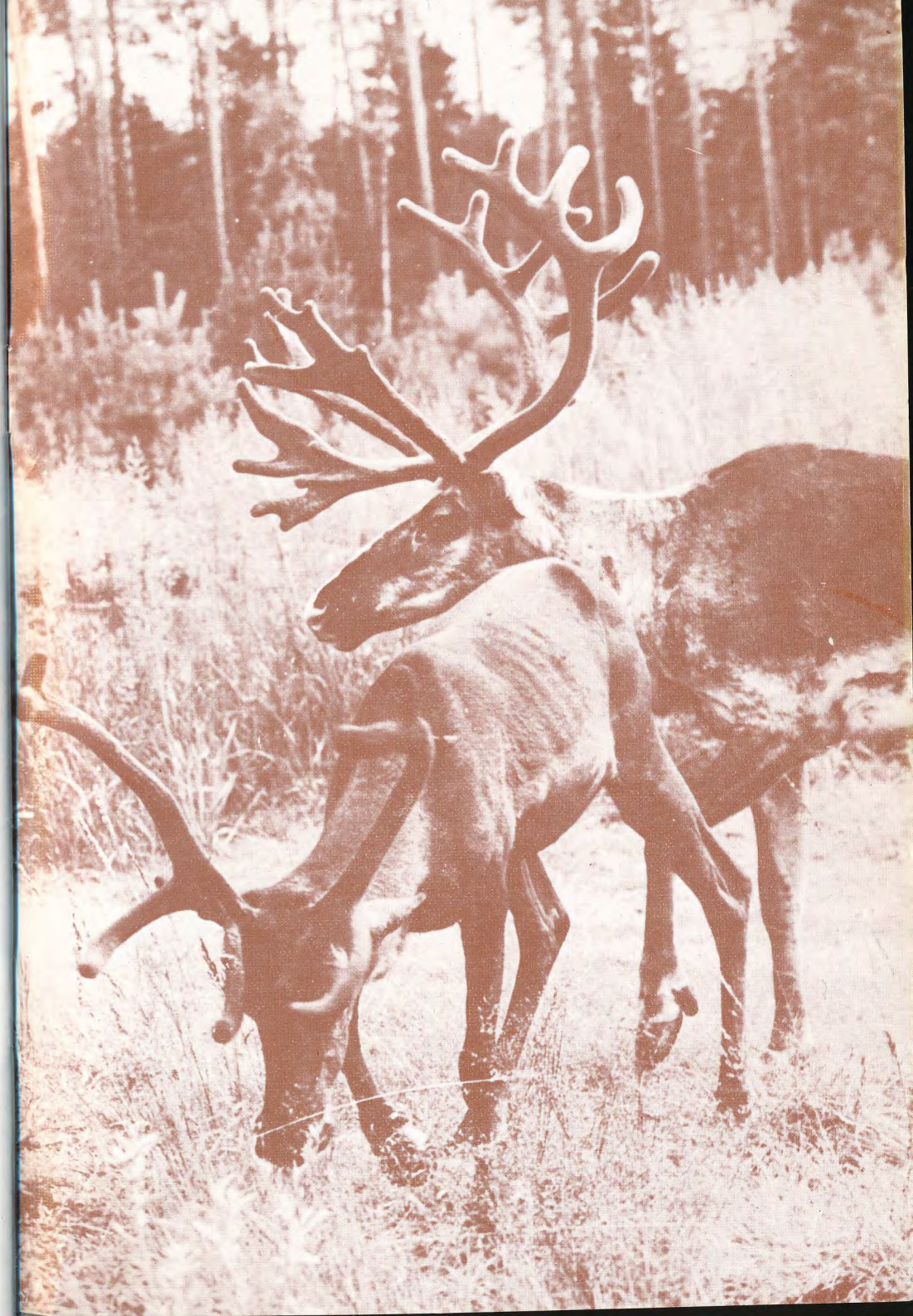
Верстка А.Цареградский

Корректоры Н.Михайлюк, О.Егорова

Оригинал-макет выполнен в компьютерном центре
Северо-Сибирского регионального книжного издательства

Подписано в печать 10.03.98. Формат 60х90\16. Бумага мелованная.
Гарнитура Futuris. Печать офсетная. Усл. печ.л. 3.5.
Тираж 5000 экз. Заказ 736-98.

Северо-Сибирское региональное книжное издательство
626400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Маяковского, 12«а»
Типография РИИЦ «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз»
626400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Магистральная, 19«а»

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Информационно-издательский
концерн
"Северный дом"
г. Сургут